

ВОЛЖСКАЯ ПЕСНЬ

*В гульбе неустова, расхристана в татьбе,
по берегам, коль плыть, храм да могилы,
все помыслы устремлены к тебе,
моя река — хранительница силы!
Все помыслы, все тайны, все слова,
я на тебя подписана, как в «Гугле».
Кто Каменную чашу выпивал
близ Жигулёвских гор с тобою в круге?
Песчаный берег, оползни, снег,
вокруг заструг неровное течение;
не ты ль выстругивала, глядя из-под век,
юродивых, впаяв в сердца свеченье?
Не ты ль ваяла ушных рыбарей,
горшечников, наузниц, повитушек,
разбойников известных до морей,
до самой белой, солью съетой суши?
Фартило ли тебе, река моя,
на палачей, холопов, лизоблюдов,
коль до сих пор затоплены поля
на горьковских явлениях маршрутов?
Мы ночью там бывали! Теплоход
по волнам шёл, насквозь продетый ветром.
Здесь рядом всё: завод, синог, восход
и Кул-Шариф в Казани, что бессмертен,
Верблюдо-гора, и заячья тропа,
и Стеньки Разина каменоломни, штольни.
Я оттого широкоскула так,
от Кабанихи моя важность, что ли?*

Не жду, когда мне что перепадёт,
сама себе я — менеджер изгревле,
покуда помню свой славянский ход
от волжских этих самостийных вог,
покуда не во блуде и не в гневе!
Все помыслы, как старшей из матрѐх,
в крикливый день базарный, корабельный,
и первый крик младенца, первый вздох,
любовный стон и тонкий крест нательный,
река, тебе! Тебе, тебе, река!
Мы — волжские и оттого — иные,
негаром Данко сердце в два щелчка
из рѐбер выграл, песню — из зрачка,
и мы за ним метнулись — коренные!

Да, я из прошлого, двадцатого я века,
его ругают все, кому не лень,
за гождь глухой, за потаённость снега,
за власть, правителей. Мой век — кистень, кремь!
И в бубен бьётся. Локоть не укусишь,
не выпустишь обратно и не вступишь.
Но век двадцатый — как особый ген!
Он впоен, вскормлен. Миру кажет кукиш.
И выпрямляет Ною влево крен.
А я в нём, в этом веке, утонула!
«Титаник» мой двадцатый, мой треклятый,
и вспененный, и гневный век разгула.
Коль вспомню девяностые — мы святы.
Прошедшие, не сгибшие, пардон,
бандитом не закатаны в бетон,
где на крупу талон, на мѐг талон,
в очередях лишь ругань, злоба, маты.
Да, пили, помню я, одеколон,
да, я ждала из армии солдата.
Но не на мне, другой женился он!
Мой век — мой Чѐрный пруд, что в граде Нижнем.
Но всё равно я зла не иму. Трижды,
да и четырежды прощу опять.
Готова руки я расцеловать
годам прошедшим, словно маме старой.

Я, словно речка, в этот век впадала,
затем бурлила, словно водопад!
О, сколько войн прошло, что даже аг
за голову схватился от кошмара...
Зато: Цветаева, Корнилов, Пастернак.
Скажите мне: «Светлана, рядом ляг!» —
и я легла с поэтами бы рядом!
Как миф. Как рыцарь. Ганнибал, Спартак.
Итак, двадцатый век — моя награда.
Изобретения: скафандр, светодиод и танк,
детектор, телефон, кирза и сварка,
метро подземное и сердца пересадка.
Мой век — варяг! Смельчак и весельчак...
Походы в ЦУМ и ГУМ, в универмаг.
Я и сама стилига из стилига,
я помню, танцевали как медляк,
что воду заряжал нам всем Чумак!
Я до сих пор водою этой греюсь!
Я эту воду добавляю в суп!
Хотя я знаю: выгляжу глупее,
наивней, чем гавайский хула-хуп.
Трудна работа — рисовать мой век!
И всех, кто был со мной, грузей оттуга!
Но я не знаю лучше, чище чуда!
Там с настоящим мясом чебурек,
там дом мой с тёплой печкою — ночлег.
Где пегий — пег.
Где белый — бел. А чёрный — чёрен.
Где розы куст склонился, вырвав корень!
Где сквозь баян, гитару и валторн
мы все — звено во временном отсеке.
И это высший смысл, хороший тон:
«De motiuis nil nisi bene»* — фон,
он на мою ладошку нанесён
Заступником, взирающим сквозь веки!

★★★

Человек, сотворённый на день шестой
среды тверди земной и тварей,

---

* О мёртвых ничего, кроме хорошего (лат.).

вижу грани твои — отблеск в них золотой,
в стене, страсти, в желаньях, в угаре.
Человек! Челом бью, ты мне — музыка, свет,
ты мне — звук, проникающий в горло,
ты — исторгнутый, дагренный, в вечность пролет,
ты звучишь так по-горьковски «гордо»!
Ты Ньютон, ты Ахилл, ты ослепший Гомер,
ты Титан, что испытывал муку.
Человек — так звучит высочайший пример,
человек — так звучит, как звучал СССР,
человек — гвоздь вобьёт Богу в руку...
И опять, и опять будет гвозди вбивать,
и всё вновь повторится по кругу!
Фейербах! Я могилу видала твою,
в нищете умер ты, солнцем — в клетку,
но цитату твою я, как песню, пою:
«Божество — человек человеку!»
И как это звучит — до черты, до тоски —
на Канавинском нашем вокзале,
на маршрутном вечернем, последнем такси:
«Человек!» — этим всё я сказала.
Человеку целую я руки, лицо,
человеку рожаю я сына:
грудью белой кормлю — как молочен сосок! —
всё во славу, во благо, во имя!
На горячей простынке рубаха моя
потно скомкана (рядом с заводом
отделение родильное). Мальчик, дитя,
человечек — звучит тоже гордо!
Да, звучит. Да, поёт. Колокольный весь звук!
Бейль, Спиноза, Мухамед Асимов.
А вот тот человек — мне ни враг и ни друг,
а вот тот человек — нож мне в спину!
А вот тот воскресит. А вот этот убьёт.
А вот этот пошлёт меня к чёрту.
А я буду молиться неистово, чтоб
та, другая, целуя его нежный рот,
говорила среди тягот, йот и пестрот:
«Человек! Как звучит это гордо!»